

ДОН НИГРО

КЕЙП-КОД И

ДРУГИЕ

ПЬЕСЫ

Дон Нигро

Кейп-Код и другие пьесы

«Автор»

2020

Нигро Д.

Кейп-Код и другие пьесы / Д. Нигро — «Автор», 2020

Сборник из пяти пьес в авторском составе.

© Нигро Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Кейп-код	6
1	7
2	8
3	13
4	16
5	18
6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дон Нигро

Кейп-Код и другие пьесы

Cape Cod&Other Plays

Содержание:

Кейп-Код/ Cape Cod

Как распознать дьявола/ How To Tell A Devil

Одиночество/ Loneliness

Терапия Матушки Гусыни/ Goose Therapy

Венеция/ Venice

Кейп-код

«Умная Алиса плачет в подвале. Он настаивает, что его жена в доме. Тогда кто же я, спрашивает она».

Сказка «Умная Алиса» из «Сказочной книги мисс Мулок¹».

Одноактовка. Три актера (1 женская и 2 мужские роли). Своеобразная врезка в первую поставленную пьесу Дона «Морской пейзаж с акулами и танцовщицей». Мелодрама. Бен и Трейси, которую он спас, продолжают притираться друг к другу. Вопрос о расставании еще не поднимается. Наоборот, Трейси задумывается о ребенке.

Действующие лица:

БЕН – под тридцать

ТРЕЙСИ – двадцать

ОГДРЕД² – средних лет, с длинной бородой.

Декорация:

Коттедж на Кейп-Код летом 1970 гг., берег перед ним, два места в первом ряду театра на Кейпе, чердачная студия ОГДРЕДА. Простая, единая конструкция. Действие пьесы «Кейп-Код» – в промежутке (два месяца) между второй и третьей картинами пьесы «Морской пейзаж с акулами и танцовщицей».

Связанные пьесы: «Ночные страхи», «Путешествие в кедровый лес», «Песни изменчивости», «Ведьмина пустошь»³.

¹ Дина-Мария Крейк (урожденная Дина-Мария Мулок, часто просто мисс Мулок/Dinah Maria Craik (born Dinah Maria Mulock, also often credited as Miss Mulock, (1826 – 1887) – английская писательница и поэтесса.

² Огдред Уизери/Ogdred Weary – псевдоним-анаграмма Эдварда Гори/ Edward Gorey (1925-2000), американского писателя и художника, известного своими книжными иллюстрациями в стиле макабр.

³ Все эти пьесы переведены на русский язык и представлены на сайте «Литреса».

1

(БЕН, под тридцать, прогуливается по берегу Кейп-Кода. Лето 1970 гг. Завывания ветра, странные шумы).

БЕН. Когда гуляешь по берегу в ветреную ночь, это может быть Сандимаунт⁴ или другая планета. Старые моряки говорят, что ночью, если идти вдоль этого берега, слышны голоса утопленников, взывающие к тебе из моря. Океан – это другой мир. Торо гулял по этому берегу. Буря. Кораблекрушение. Сто сорок пять душ остались в море. Тела плавали на воде, их выбрасывало на сушу. Он описывает тело утонувшей девушки. Никого здесь не было, чтобы спасти ее, даже Бога. Ты чувствуешь вкус моря на коре деревьев в двадцати милях от берега, после сентябрьских штормов. Мне нравится думать о нем, шагающим по лесу, лижущим кору деревьев, чтобы понять, сможет ли он уловить вкус океана.

Дуврский берег. Шекспир, шагающий вдоль Темзы. Странное лето. Пытаюсь писать «Двенадцатая ночь» в моей голове. Зловещие сны. Ворона на черепе. Алхимия. Богиня луны верхом на рыбе. Заниматься любовью с Черил в библиотеке глубокой ночью. Я провожу жизнь, читая карты, но особо не путешествую, разве что во времени. Память – это то, чем ты забываешь. Что это? Что-то в воде? Там кто-то есть? Мне это снится? Думаю, должно. В воде девушка.

(Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

⁴ Сандимаунт-Стренд/ Sandymount Strand – большой участок ровного песчаного берега в Дублине, Ирландия.

2

(БЕН и ТРЕЙСИ, в коттедже на Кейп-Коде).

ТРЕЙСИ. Что-то не давало и не дает мне покоя.

БЕН. Неужели?

ТРЕЙСИ. Ты не умеешь плавать.

БЕН. Это правда.

ТРЕЙСИ. В ночь, когда мы встретились, ты прыгнул в океан и вытащил меня.

БЕН. Да? Так о чем речь?

ТРЕЙСИ. Речь о том, что ты не умеешь плавать.

БЕН. Я не думал. Просто реагировал.

ТРЕЙСИ. Ты мог утонуть.

БЕН. Утонуть, и в любое время, может каждый.

ТРЕЙСИ. Нет, если не входить в воду. Ты даже меня не знал.

БЕН. Я и теперь не знаю.

ТРЕЙСИ. Опять же, каким надо быть идиотом, чтобы не научиться плавать? Все умеют плавать.

БЕН. Я учился плавать на первом курсе на уроках физкультуры.

ТРЕЙСИ. То есть ты провалил зачет по физкультуре?

БЕН. Некоторые из гигантов мыслей в моем классе отливали в бассейн для новичков, и на второй неделе у меня начался конъюнктивит. Так что в бассейн я попал только к приему зачета. Нам предстояло прыгнуть в воду в глубоком конце бассейна и доплыть до мелкого конца, или мы не получали зачета. Я так и не научился дышать должным образом, но мне не хотелось еще год учиться плавать, вот я и решил проплыть от борта до борта, задержав дыхание. Меня всего трясло, когда я стоял на бортике у глубокого конца бассейна, ожидая команды прыгнуть в воду. Я никогда не плавал в большом бассейне, очень замерз, все еще неважно себя чувствовал, мне предстояло прыгнуть в холодную воду глубиной в двенадцать футов и проплыть до другого конца бассейна, не дыша. Очень это напоминало прыжок с обрыва. Я набрал полную грудь воздуха, прыгнул солдатиком, добрался до дна, с силой оттолкнулся от бортика, скользил, сколько мог, потом изо всех сил поплыл под водой, совсем, как Тварь из Черной лагуны в погоне за девушкой. И оставалось совсем немного, когда воздух закончился. Я слышал, как кто-то сказал: «Господи, да он собирается проплыть весь бассейн, не дыша. Я бы доплыл, но когда до края оставалось десять футов, какой-то козел решил, что должен меня спасти и начал хватать руками. Я врезал ему по физиономии и выбрался таки на бортик. Зачет я получил.

ТРЕЙСИ. Наверное, за тупость. Никогда не слышала более глупой истории.

БЕН. Только потому, что жила затворницей.

ТРЕЙСИ. Как бы не так. То есть, другими словами, ты совершеннейший псих.

БЕН. Это да.

ТРЕЙСИ. И до этого ты никогда не плавал?

БЕН. Когда мне было пять лет, однажды я нырнул в Грим-озеро, пытаюсь спасти свою сиделку⁵.

ТРЕЙСИ. Свою сестру?

БЕН. Нет, сиделку.

ТРЕЙСИ. Твоя сиделка плавала в озере глубокой ночью?

⁵ Мередит Черри, сиделка Бена, персонаж нескольких коротких пьес и монологов Дона Нигро. Все они переведены на русский и объединены в цикл «Мередит», который можно найти на сайте «Литреса».

БЕН. Она не плавала. Хотела утопиться.

ТРЕЙСИ. Господи, что ты с ней сделал?

БЕН. Я ничего с ней не сделал. Она забеременела. Ее бойфренд, узнав об этом, попытался уехать из города, запрыгнув в пустой товарный вагон, но угодил под колеса поезда. Она не знала, что ей делать. Боялась сказать отцу. Она думала, что я сплю, но я услышал, как она выходит из дома и последовал за ней. Когда увидел, что она собралась утопиться, прыгнул в воду.

ТРЕЙСИ. И ты ее спас?

БЕН. Нет.

ТРЕЙСИ. Так она утонула?

БЕН. Кто-то еще оказался на берегу и спас нас обоих.

ТРЕЙСИ. Так тебе, вероятно, очень нравилась эта сиделка, так?

БЕН. Я был безнадежно влюблен в нее.

ТРЕЙСИ. Тебе было пять лет.

БЕН. Тем не менее.

ТРЕЙСИ. А ей тогда сколько было?

БЕН. Восемнадцать или девятнадцать.

ТРЕЙСИ. То есть до того, как войти в океан, чтобы спасти меня, абсолютную незнакомку, ты дважды прыгал в воду, не умея плавать и едва не утонул?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. Ты невероятно, невероятно глупый тип.

БЕН. Вероятно.

ТРЕЙСИ. Я не понимаю. Почему ты рисковал жизнью ради меня, которую совсем не знаешь?

БЕН. Ты бы предпочла, чтобы я позволил тебе утонуть?

ТРЕЙСИ. Я умею плавать. Ты – нет. В результате мне пришлось бы спасти тебя. Ты недоумок.

БЕН. Я бы не возражал.

ТРЕЙСИ. Зачем я тебе нужна?

БЕН. Во-первых, мы занимаемся сексом.

ТРЕЙСИ. Это да, но в более широком смысле. Зачем я тебе нужна?

БЕН. Не знаю. А в чем проблема?

ТРЕЙСИ. Тебе надо быть с такой же занудой, как ты сам.

БЕН. Увы, так и не смог ее найти, вот и остановился на тебе. Что ты читаешь?

ТРЕЙСИ. Эту глупую пьесу, которую ты ставишь.

БЕН. «Двенадцатую ночь».

ТРЕЙСИ. Да. Это действительно глупая пьеса, но она хотя бы интересная. Герцогу нравится быть одному, но он одинок. Оливия хочет оставаться одной, чтобы скорбеть об умершем брате. Оба идиоты. Виола тоже скорбит о брате, который утонул, поэтому одевается, как парень, и никто этого не замечает. А тем временем толпа садистов-пьяниц разыгрывают злую шутку с дворецким. Да кто будет смотреть этот мусор?

БЕН. Вероятно, никто.

ТРЕЙСИ. Я серьезно. И что ты делаешь в этой постановке?

БЕН. Я помреж. Редактор литературной части. И еще много кто.

ТРЕЙСИ. Но зачем?

БЕН. Почему нет?

ТРЕЙСИ. Какая потеря времени. Многие шутки в этой пьесе напрочь лишены смысла.

БЕН. Они были забавными в тысяча шестьсот первом году.

ТРЕЙСИ. Я так не думаю. (*Читает*). «Протяни руку к масляному персику и пусть она алкает». И что это, черт побери, значит?

БЕН. Это означает, что она приглашает его коснуться ее груди.

ТРЕЙСИ. Нет, конечно.

БЕН. Очень даже да.

ТРЕЙСИ. Мужчины – такие свиньи. Проблема с этой пьесой в том, что я не верю в метафоры.

БЕН. Как можно не верить в метафоры?

ТРЕЙСИ. Да пошел ты.

БЕН. Я так рад, что мы можем вести столь вдохновляющие интеллектуальные дискуссии.

ТРЕЙСИ. Повторяю, с еще большей выразительностью, да пошел ты! (*Пауза*). Со сколькими женщинами ты спал? Догадываюсь, список короткий.

БЕН. Как ты догадалась?

ТРЕЙСИ. Потому что ты такой странный. Так со сколькими?

БЕН. Не так, чтобы со многими.

ТРЕЙСИ. А сколько женщин ты любил? Я хочу сказать, сколько женщин ты действительно, по-настоящему любил? Не просто желал, втюривался, заводил интрижку, зацикливался, чтобы потом сказать себе: «Господи, о чем я думал?» Нет, скольких ты действительно, честно, глубоко любил?

БЕН. Что ж, была Шерри, маленькая девочка, которая жила по соседству, когда мне было пять лет. Ее я любил очень сильно. Моя сиделка, Мередит. Она по-прежнему близкая подруга. Черил, моя девушка в колледже.

ТРЕЙСИ. Это все?

БЕН. Думаю, да.

ТРЕЙСИ. Твоя жизнь была выжженной пустошью.

БЕН. Мы с тобой это исправляем.

ТРЕЙСИ. Да, но у нас просто секс. Ты меня не любишь.

БЕН. А скольких мужчин ты действительно любила?

ТРЕЙСИ. Я никого не люблю. Это мой фирменный знак.

БЕН. Понимаю.

ТРЕЙСИ. Ты все еще любишь свою сиделку?

БЕН. Разумеется.

ТРЕЙСИ. И подругу из колледжа?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. Значит, меня ты не любишь?

БЕН. Я этого не говорил.

ТРЕЙСИ. Я не понимаю, как ты можешь любить меня, когда ты по-прежнему любишь, как минимум, двух женщин, и еще бог знает сколько других грязных шалав, о которых ты мне не говоришь?

БЕН. Нельзя открывать и закрывать любовь, как кран. Во всяком случае, я так не умею. Вполне возможно продолжать любить человека на каком-то уровне. Я не могу вычеркивать людей из своей жизни только потому, что они перестали меня хотеть.

ТРЕЙСИ. Почему нет? Именно это я и делаю. Так поступают все нормальные люди.

БЕН. И для тебя все закончилось тем, что ты оказалась одна в океане.

ТРЕЙСИ. Я говорила тебе. Я танцевала. Не тонула. Танцевала. Господи, обращай внимание на то, что тебе говорят. Увидев, что ты идешь ко мне, я первым делом захотела отвернуться от тебя и уплыть в Европу. Но ты выглядел так, что, похоже, не понимал, что делаешь, я испугалась, что ты утонешь, вот и позволила тебе вытащить меня на берег.

БЕН. Такой великодушный поступок.

ТРЕЙСИ. Я знаю. Но если я чуть дольше останусь с тобой в этой лачуге, мой мозг начнет гнить, а я обрасту ракушками или чем-то таким. Это твоя сиделка, она была чокнутая, так?

БЕН. У нее были проблемы.

ТРЕЙСИ. И что с ней случилось? Ее посадили под замок?

БЕН. Время от времени она проводила время в психиатрической лечебнице. Теперь ей лучше.

ТРЕЙСИ. Она избавилась от ребенка?

БЕН. Нет. Родила.

ТРЕЙСИ. Ребенок тоже безумный.

БЕН. Нет. Выросла на удивление хорошей девушкой, учитывая обстоятельства. Она лишь на пару лет моложе тебя.

ТРЕЙСИ. Срань господня.

БЕН. Я знаю.

ТРЕЙСИ. Ты очень, очень старый.

БЕН. Когда мне стукнет тридцать, я выпью отбеливателя.

ТРЕЙСИ. Ты и твоя сиделка, вы по-прежнему переписываетесь?

БЕН. Я вижу с ней, когда приезжаю домой, чтобы навестить отца.

ТРЕЙСИ. Занимаешься с ней сексом?

БЕН. Уже нет.

ТРЕЙСИ. Значит, раньше занимался?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. Когда тебе было пять лет?

БЕН. Нет. Перед тем, как уехал в колледж.

ТРЕЙСИ. Значит, это был подарок на окончание школы?

БЕН. Не совсем.

ТРЕЙСИ. А эта девушка в колледже? С ней ты часто занимался сексом, так?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. А где ты с ней познакомился?

БЕН. В библиотеке.

ТРЕЙСИ. Вы занимались сексом в библиотеке?

БЕН. Иногда.

ТРЕЙСИ. Прямо на столе?

БЕН. Это была очень большая библиотека. Мы расставляли книги по полкам. По ночам в хранилищах никого не было. А еще ее отец был профессором, у которого там был крошечный кабинет. Обычно мы уходили туда.

ТРЕЙСИ. Звучит возбуждающе.

БЕН. Так и было.

ТРЕЙСИ. Ты еще с ней видишься?

БЕН. Нет, уже нет. Она порвала со мной, когда я переехал на восточное побережье.

ТРЕЙСИ. Ты был раздавлен или испытывал внутреннее облегчение?

БЕН. Облегчения я не испытывал.

ТРЕЙСИ. Она тоже была безумной?

БЕН. Я бы такого не сказал. Нет.

ТРЕЙСИ. Но какие-то серьезные проблемы у нее были?

БЕН. Какие-то – да.

ТРЕЙСИ. Она тоже пыталась утопиться?

БЕН. Насколько мне известно, нет.

ТРЕЙСИ. Вы занимались сексом в душе?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. То есть тебя тянет к женщинам с серьезными психическими проблемами, которые еще и промокли насквозь?

БЕН. Я бы так вопрос не ставил.

ТРЕЙСИ. Почему нет? Это полностью объясняет твоё отношение ко мне. Безумной девице, которую ты вытащил из океана. Поэтому ты со мной. Тебя сексуально возбуждают такие женщины, как я. Особенно, когда они мокрые.

БЕН. Не думаю, что дело в этом.

ТРЕЙСИ. У твоей матери были проблемы?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. Она пыталась утопиться?

БЕН. Нет.

ТРЕЙСИ. Ей нравилось плавать?

БЕН. Да.

ТРЕЙСИ. Ваша честь, я закончила. Когда у тебя сомнения в мотивах мужчины, всегда обращайся к фрейдистской чуши. У этого гребаного, самодовольного, жующего сигару, венского сучьего сына был ответ на все. Половина этого чушь, половина – нет, но ты не можешь сказать, что первое, а что второе, да еще зачастую первое становится вторым, и наоборот. Твоя проблема в том, что ты – романтик. Продолжаешь искать русалок. Но на деле все они превращаются в моржей.

БЕН. Никогда не встречался с моржом.

ТРЕЙСИ. Ты встречался со мной. Я – морж, а ты – Эггман, и мы все живем в желтой подводной лодке и утонем в океане. Знаешь, что самое тупое в этом шекспировском дерьме? Счастливая концовка. Первый признак дерьма. Все, что имеет счастливую концовку, дерьмо.

БЕН. Я взял тебе билет.

ТРЕЙСИ. Какой билет? На автобус до Нью-Джерси?

БЕН. Билет в театр. На спектакль.

ТРЕЙСИ. Да чего мне идти смотреть этот глупый спектакль? Думаешь, меня волнует, как ты тратишь свое время? Потому что на самом деле мне глубоко насрать.

БЕН. Тогда чего ты задаешь мне все эти личные вопросы?

ТРЕЙСИ. Я пишу мемуары, и мне нужен смешной эпизод.

БЕН. Ладно. Не хочешь – не ходи. Дело твое.

ТРЕЙСИ. Нет, я пойду.

БЕН. Не делай мне одолжений.

ТРЕЙСИ. Я сказала, что пойду. Господи, ну зачем мне это нужно?

БЕН. Иногда, когда видишь что-то во плоти, понимаешь лучше.

ТРЕЙСИ. Впервые ты увидел меня голой, и совершенно не понимаешь меня.

БЕН. Но я пытаюсь. Действительно пытаюсь.

ТРЕЙСИ. И как идет процесс, Бен?

БЕН. Я дам тебе знать.

(Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

3

(Зрительный зал в антракте. ТРЕЙСИ сидит рядом с ОГДРЕДОМ, высоким, лысеющим мужчиной средних лет, с бородой, в длинной, похожей, енотовой шубе и в белых теннисных туфлях).

ОГДРЕД. Фанатка Шекспира?

ТРЕЙСИ. Что?

ОГДРЕД. Ты.

ТРЕЙСИ. Я что?

ОГДРЕД. Фанатка Шекспира?

ТРЕЙСИ. Нет.

ОГДРЕД. Случайно зашла с улицы?

ТРЕЙСИ. Парень, с которым я живу, он литератор, или помощник истерика, или кто-то еще. На самом деле я не хотела идти, но этот парень позволяет мне бесплатно жить в его коттедже на берегу, вот я и подумала, то ли прийти и посмотреть этот кусок дерьма, то ли заниматься с ним сексом. Сексом я с ним все равно занимаюсь, но я подумала, если мне не захочется, я смогу просто сказать, нет, но я же пошла смотреть твой гребаный, глупый спектакль.

ОГДРЕД. То есть это не твоя любимая шекспировская пьеса?

ТРЕЙСИ. Она связана со всеми остальными? Я просто не понимаю.

ОГДРЕД. Чего ты не понимаешь?

ТРЕЙСИ. Не хочу я об этом говорить.

ОГДРЕД. Ладно. Извини.

ТРЕЙСИ. А еще он вытащил меня из океана. Вот я думаю, что я у него в долгу. Но, Господи, это самый тупой спектакль, который я только видела за свою жизнь. Какая гребаная пустая трата времени.

ОГДРЕД. Он выловил тебя из океана?

ТРЕЙСИ. Да. И этот говнюк даже не умеет плавать.

ОГДРЕД. Что ж, ему это на пользу.

ТРЕЙСИ. Не обязательно. Я в каком-то смысле его жалею. Не один мужчина, приведенный в ужас моим интеллектуальным превосходством, говорил мне, что я – сущее наказание. Вот я и подумала, что перед тем, как отправиться в путь, я должна сделать что-то хорошее для этого тупого ублюдка.

ОГДРЕД. Ты собираешься отправляться в путь?

ТРЕЙСИ. Как только смогу.

ОГДРЕД. И куда отправишься?

ТРЕЙСИ. Господи, не знаю. Какая разница? У вас, наверное, четыре тысячи кошек. На вашей шубе достаточно кошачьей шерсти, чтобы хватило не целую кошку.

ОГДРЕД. Это моя слабость. Не могу не взять бродячего зверья.

ТРЕЙСИ *(снимает шерсть с его шубы)*. Он такой же. Парень, с которым я живу.

ОГДРЕД. Так ты, значит, бродячая?

ТРЕЙСИ. Он такой идиот. Пустить в дом человека, которого совершенно не знаешь. Только потому, что впервые он увидел меня голой и попытался сделать мне искусственное дыхание. Рот в рот. Я велела ему убрать от меня его поганый рот, или я пну его в яйца. По моему, и пнула. А может, это случилось позже. Я отключилась. А проснулась завернутой в одеяло на его скрипучем диване. И он пытался соблазнить меня сэндвичем с ветчиной. Можете себе такое представить? Словно я готова переспать с незнакомцем за сэндвич с ветчиной? Даже не за чизбургер. Так сколько у вас кошек?

ОГДРЕД. Всякий раз, когда я их считаю, результат другой. Так ты не любишь кошек?

ТРЕЙСИ. Я люблю их больше, чем людей. Во-первых, с ними приятнее разговаривать. Так вы действительно пришли на это театральное дерьмо?

ОГДРЕД. Пришел, да. Мы ставим «Дракулу» на Нантакете. Приехал посмотреть, что творится у конкурентов. Вообще-то они тут молодцы. Здесь начинал О'Нил, знаешь ли.

ТРЕЙСИ. Райан О'Нил? Он может ставить Шекспира? Я так не думаю.

ОГДРЕД. Юджин О'Нил. Драматург.

ТРЕЙСИ. А-а-а, я однажды видела спектакль по его пьесе.

ОГДРЕД. Правда? И какой?

ТРЕЙСИ. Не знаю. Я заснула. От спектакля тошнило. Сплошное бла-бла-бла. Слишком много слов.

ОГДРЕД. То есть в театр ты ходишь нечасто?

ТРЕЙСИ. Как можно реже. А что делаете вы, ставите «Дракулу» на Нантакете?

ОГДРЕД. Я сценограф.

ТРЕЙСИ. То есть, художник?

ОГДРЕД. В каком-то смысле, да.

ТРЕЙСИ. Правда?

ОГДРЕД. Некоторые так думают.

ТРЕЙСИ. То есть вы рисуете?

ОГДРЕД. Скорее, я иллюстратор. Создаю обложки для книг других людей, а потом пишу и иллюстрирую свои маленькие книги.

ТРЕЙСИ. Деньги это приносит?

ОГДРЕД. Нет.

ТРЕЙСИ. Тогда зачем вы это делаете?

ОГДРЕД. Почему человек делает то, что ему нравится?

ТРЕЙСИ. Я вам скажу, когда найду занятие по душе.

ОГДРЕД. Так ты не любишь молодого человека, который вытащил тебя из воды?

ТРЕЙСИ. Я никого не люблю. Это мой фирменный знак.

ОГДРЕД. Понимаю.

ТРЕЙСИ. Что?

ОГДРЕД. Ничего.

ТРЕЙСИ. Что? Вы мне не верите?

ОГДРЕД. На самом деле это не мое дело.

ТРЕЙСИ. Я всегда хотела стать художницей. Ребенком постоянно что-то рисовала. На стенах, на моей сестре, везде.

ОГДРЕД. Больше не рисуешь?

ТРЕЙСИ. Нет.

ОГДРЕД. Почему?

ТРЕЙСИ. Потому что от меня смердит.

ОГДРЕД. От тебя смердит?

ТРЕЙСИ. Не в том смысле, что я плохо пахну. Я пахну нормально. Просто не получается у меня.

ОГДРЕД. Я не понимаю, причем тут это.

ТРЕЙСИ. Что значит, не понимаете? Не хочу я быть плохой художницей.

ОГДРЕД. А кому решать? Кто может решать, что хорошо, а что – плохо?

ТРЕЙСИ. Ну, не знаю. Другие люди. Критики.

ОГДРЕД. Так ты думаешь, что от тебя смердит, раз такое сказали тебе другие люди?

ТРЕЙСИ. Да насрать мне на то, что говорят другие люди.

ОГДРЕД. Тогда почему ты перестала рисовать?

ТРЕЙСИ. Потому что получалось у меня недостаточно хорошо.

ОГДРЕД. Удовольствие тебе это доставляло?

ТРЕЙСИ. Да.

ОГДРЕД. Тебе этого не хватает?

ТРЕЙСИ. Да.

ОГДРЕД. И сколько у тебя жизней?

ТРЕЙСИ. Насколько я знаю, одна.

ОГДРЕД. Тогда почему, скажи на милость, ты хочешь тратить ее на что угодно, но не на то, что тебе нравится?

ТРЕЙСИ. Потому что я смотрю на нарисованное другими людьми и знаю, мне так хорошо никогда не нарисовать.

ОГДРЕД. Что ж, ты и не нарисуешь, если завяжешь с этим.

ТРЕЙСИ. Да пошел ты в манду.

ОГДРЕД. Можно и так, но предпочтительнее оставаться друзьями.

ТРЕЙСИ. Мы не друзья.

ОГДРЕД. А у тебя есть друзья?

ТРЕЙСИ. Нет.

ОГДРЕД. Ты хочешь иметь друзей?

ТРЕЙСИ. Не знаю.

ОГДРЕД. Спектакль начинается. Вот. *(Достает из кармана листок, пишет на нем, протягивает ТРЕЙСИ).* Возьми.

ТРЕЙСИ. Это что?

ОГДРЕД. Мой адрес. Там моя студия. Приходи, если захочешь, и сможешь сказать, смердит ли от меня. Может, мы посмердим вместе.

ТРЕЙСИ. Вы очень, очень странный человек.

ОГДРЕД. И это говорит девушка, у которой нет друзей, и которая никого не любит.

(Пауза. Она смотрит на листок. Свет гаснет).

4

(БЕН и ТРЕЙСИ. Она вырезает фотоснимки из газет).

БЕН. Что ты делаешь?

ТРЕЙСИ. Не твое гребаное дело.

БЕН. Почему ты режешь мою газету? Я ее еще не прочитал. Собираешься сделать бумажную куклу?

ТРЕЙСИ. Я делаю коллаж. Ты не против?

БЕН. Ты делаешь коллаж?

ТРЕЙСИ. Да. В этом штате такое считается преступлением?

БЕН. Нет, я так не думаю. Просто никогда не видел, чтобы ты делала что-то такое.

ТРЕЙСИ. Ты не видел, как я много чего делаю. Ты – невежественный сукин сын.

БЕН. Почему ты делаешь коллаж из моих газет?

ТРЕЙСИ. Потому что мой друг Одгред сказал мне, если человек хочет создавать произведения искусства, но не силен в рисовании, он может творить иными способами, скажем, делать коллажи. Вот и я делаю коллаж. Для тебя это проблема?

БЕН. Ты не можешь воспользоваться своей газетой?

ТРЕЙСИ. Зачем мне покупать газету, когда я могу взять твою?

БЕН. У тебя друг по имени Одгред?

ТРЕЙСИ. Да.

БЕН. Одгред? Имя твоего друга Одгред?

ТРЕЙСИ. Его имя меняется. Он переставляет буквы. Я забываю, какое у него настоящее имя.

БЕН. Это воображаемый друг?

ТРЕЙСИ. Не будь говнюком.

БЕН. Где ты его встретила? Он прячется в чулане?

ТРЕЙСИ. Я сидела рядом с ним на спектакле. Мы начали говорить и подружились. Он пригласил меня в свою студию. Он – художник.

БЕН. Ох. Ты встречаешься с кем-то еще? Это ты мне говоришь?

ТРЕЙСИ. Ни с кем я не встречаюсь. Он просто друг. И у него действительно крутой дом. Полный книг и кошек. Хотя кошек я не видела.

БЕН. У него невидимые кошки?

ТРЕЙСИ. Они видимые. Только ты их увидеть не можешь. Они застенчивые. Прячутся, когда кто-то приходит. Они сироты. Человек должен с пониманием относиться к сиротам и другим потерявшимся существам. Они испуганы. Бродячим существам требуется время, чтобы научиться кому-то верить. Ты несносный, когда ревнуешь.

БЕН. Я не ревную.

ТРЕЙСИ. Я могу встречаться с кем-то еще, если хочу. Я тебе ничего не обещала. Я – свободная личность. Могу делать все, что пожелаю.

БЕН. В том числе, похоже, и резать мои газеты.

ТРЕЙСИ. Великое искусство требует жертв.

БЕН. И что за коллаж ты делаешь?

ТРЕЙСИ. А вот это не твое гребаное дело.

БЕН. Знаешь, Трейси, иногда медом можно приманить больше мух, чем уксусом.

ТРЕЙСИ. Не нужны мне мухи. Зачем мне мухи? Что я буду делать с мухами? Если ты действительно хочешь приманить мух, бери коровье говно. Почему бы тебе не оставить меня в покое. Я, между прочим, творю. Разве я достаю тебя, когда ты притворяешься, будто пишешь?

БЕН. Постоянно.

ТРЕЙСИ. Тогда учись на моем примере и отвали.

БЕН. Ладно. Передай от меня привет Огдреду.

ТРЕЙСИ. Я выкрикну твое имя, когда в следующий раз буду с ним трахаться.

(Свет медленно меркнет).

5

(ТРЕЙСИ и ОГДРЕД. Он рисует. Она работает над коллажем).

ОГДРЕД. Эвринома.

ТРЕЙСИ. Я кто?

ОГДРЕД. Эвринома. Пеласкская богиня созидания. Твоя история – проявление ее архитипического воплощения. Можно прочитать у Роберта Грейвса. Очень древний греческий миф, предшествующий Уранису.

ТРЕЙСИ. Моему анусу?

ОГДРЕД. Не твоему анусу. Уранису. Предшествующий ему. Всем богам-мужчинам. Эвринома, богиня всего, танцует обнаженной на волнах, растет в одиночестве, поднимает ветер своим танцем, и ветер принимает форму змея, с которым она совокупляется, откладывает космическое яйцо, и из него появляется все созданное.

ТРЕЙСИ. Ей следовало воспользоваться противозачаточными средствами.

ОГДРЕД. Потом он объявляет себя автором вселенной, они ссорятся, она пинает его в голову или куда-то еще, и он отправляется в ад. Это доисторический вариант того, что стало мифом об Эдеме. Матриархальная версия.

ТРЕЙСИ. Я не откладываю никаких яиц. Хотя мой бойфренд видит себя неким автором. Знаешь, этот дундук ревнует к тебе.

ОГДРЕД. Ко мне? Ревнует ко мне?

ТРЕЙСИ. Правда. Разве это не бред?

ОГДРЕД. Насчет бреда не знаю, но должен признаться, я не верю, что за всю мою жизнь кто-нибудь ревновал ко мне.

ТРЕЙСИ. В его защиту скажу, что он полный идиот.

ОГДРЕД. А чем он занимается?

ТРЕЙСИ. Он писатель. Во всяком случае, таковым себя мнит.

ОГДРЕД. Что ж, это объясняет.

ТРЕЙСИ. И не просто писатель. Он амбициозный писатель. Постоянно прикидывается, будто читает Генри Джеймса. Я прочитываю одну страницу и впадаю в кому. Господи!

ОГДРЕД. Терпеть не могу Генри Джеймса. Прочитал все, что он написал.

ТРЕЙСИ. Зачем ты читал все, что он написал, если тебе не нравится?

ОГДРЕД. Когда мое подсознание к чему-то меня ведет, я не пытаюсь взбрыкивать. Это касается чтения в той же мере, что писательства или рисования. Я позволяю подсознанию вести меня, куда ему хочется. Оно говорит, читай это, пиши то, рисуй что-то еще, и я повинуюсь. Если никому не нравится результат, они могут читать что-то еще. Это не имеет значения. А что имеет, так это с головой уйти в свою работу или в чужую. Это и Балет Нью-Йорк-Сити, где я провел большую часть своей жизни.

ТРЕЙСИ. Ты действительно необычный человек. Я пытаюсь представить себе, каким ты был в детстве.

ОГДРЕД. Маленьким. Без бороды. Наверное, я всегда был странным. У моей бабушки были приступы безумия. Она верила, что в дедушкиных часах живет призрак Эммануила Сведенборга, который будит ее по ночам криками на шведском. В итоге мы поселили ее на чердаке, и ее это вполне устроило. Она вела долгие разговоры с белками и смотрела на мир через окошко. Когда мне было полтора года, я нарисовал поезд из сосисок.

ТРЕЙСИ. То есть ты был вундеркиндом.

ОГДРЕД. Господи, да нет же. У меня было ужасное детство.

ТРЕЙСИ. Эта шуба из енотов?

ОГДРЕД. Конечно, нет. Я испытываю родственные чувства к енотам. Часто думал о том, чтобы открыть для них школу и научить рисовать. Да только кому нужны картины енотов? Нет, моя шуба сшита исключительно из скальпов коммивояжеров.

ТРЕЙСИ. Огдред, если я в кого-нибудь влюблюсь, думаю, это будешь ты.

ОГДРЕД. Глупая девочка. Глупая, глупая девочка. Создавай свой коллаж. Он как раз совсем не глупый.

ТРЕЙСИ. Это чудо, поскольку я понятия не имею, что делаю.

ОГДРЕД. Именно так ты понимаешь, что на правильном пути. Я никогда понятия не имею, что делаю, пока не вижу, чем все закончилось.

ТРЕЙСИ. Но это же все так усложняет.

ОГДРЕД. Абсолютно.

ТРЕЙСИ. То есть ты не ищешь легких путей.

ОГДРЕД. Я хочу делать все, как должно быть.

ТРЕЙСИ. Я не понимаю.

ОГДРЕД. Вопрос в том, хочешь ли ты, чтобы все было легко, или хочешь, чтобы получилось что-то достойное. Я пишу, чтобы выяснить.

ТРЕЙСИ. Выяснить что?

ОГДРЕД. Чтобы выяснить, что я пытаюсь выяснить.

ТРЕЙСИ. Но как ты можешь выяснить, что пытаешься выяснить, если не знаешь, что хочешь выяснить?

ОГДРЕД. Потому что если я думаю, что знаю, что я пытаюсь выяснить, в итоге выясняется, что я ошибался. Когда я заканчиваю выяснять, обычно это ответ на вопрос, который я вроде бы и не собирался задавать. Уверенности нет ни в чем. В этом вся прелесть. Все равно, что быть Койотом в мультиках про Дорожного бегуна. Делаешь глубокий вдох, и вниз с обрыва, в надежде приземлиться на то, что задержит твое падение.

ТРЕЙСИ. Опасно это.

ОГДРЕД. И говорит это девушка, которая любит плавать в воде, кишасей акулами.

(Она смотрит на него. Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

6

(ТРЕЙСИ и БЕН. Он пишет. Она читает «Кейп-Код» Торо).

ТРЕЙСИ (*читает*). «Все на берегу, будь то люди или неодушевленные предметы, выглядят не только чрезмерно гротескными, но прибавляют в размерах и кажутся более удивительными, чем на самом деле». Вот тебе послание от твоего друга и товарища, этого чокнутого Генри Дэвида Торо. В этом месте все не такое, как кажется. За исключением плохого. Оно остается плохим, разве что становится хуже. Здесь написано, что по какой-то причине он хочет увидеть тело человека, изувеченного акулой и выброшенное на берег. И смотритель маяка объясняет, где найти это тело, а когда он находит, то видит лишь горстку костей. Почему, по твоему, Торо захотел это увидеть?

БЕН. Не знаю. Почему бы тебе не спросить у твоего друга Огдгеда? Я уверен, он тебе скажет.

ТРЕЙСИ. Возможно, скажет. Он просто набит какой-то невероятной информацией. Ты знаешь, что древние египтяне определяли время по бабуинам?

БЕН. По бабуинам?

ТРЕЙСИ. Точнее, по моче бабуинов.

БЕН. Египтяне определяли время по писающим бабуинам?

ТРЕЙСИ. Для древнего египтянина сутки равнялись двадцати четырем бабуинам. Они верили, что бабуин мочится раз в час. Поэтому, чтобы показать сутки, они рисовали двадцать четыре бабуина.

БЕН. Огдред наркоманит?

ТРЕЙСИ. Не думаю, что он нуждается в наркотиках.

БЕН. Может, я нуждаюсь?

ТРЕЙСИ. Возможно, тебя они чуть расслабят. Ты знаешь, что у тебя все руки в синяках? Что ты делал? Бичевал себя? Чья это работа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.